

Глава первая

ВАНДА

Пассажиры рейса 908 трясло от страха смерти, но после часа, проведенного в неоткидывающемся кресле рядом с туалетом, идея умереть меня даже грела. Мужчина рядом опустил голову на колени, сквозь волосы виднелась его нежная розовая кожа головы. Все остальные, казалось, смирились с той жуткой, душераздирающей тишиной, которая всегда предшествовала катастрофе. Снаружи в самолет били потоки турбулентности, прыгающий свет на кончиках крыльев был единственным признаком того, что в сером небе вообще что-то было. Но когда я отвернулась от окна, то заметила кое-что похуже.

Ее. Солнцезащитные очки, волосы убраны под золотой тюрбан. Она неслась по проходу, будто один из четырех всадников Апокалипсиса. Турбулентность раскачивала нас туда-сюда, но Сабин хваталась за все, что оказывалось у нее под рукой, чтобы не упасть: спинку сиденья, багажный отсек, чью-то прическу. У меня с собой был телефон, поэтому я просто нажала на кнопку записи и съежилась на своем кресле.

Она не пожелала доплачивать за выбор места, поэтому все мы сидели по отдельности. Она впереди, я сзади, а Пол на несколько рядов передо мной, у окна. Сабин остановилась у его ряда, и я заметила, как она перегнулась через какую-то

НЭНСИ МАУРО

бедную женщину у прохода, чтобы встряхнуть его. Судя по силе ее хватки, он спал. Ну еще бы, Пола не беспокоят такие вещи, как наша неминуемая смерть над Верхним озером.

Вдобавок к тряске, двухвинтовой самолет внезапно начал терять высоту. Моя задница приподнялась над сиденьем примерно на дюйм, настолько, насколько позволил ремень безопасности. Звуки нервного смеха заполнили герметичное пространство. Мне удалось удержать трубку, пока пилот говорил что-то искаженным баритоном по интеркому. Сабин все еще была на ногах. Стюардесса зашпешила к ней по проходу, цепляясь за подголовники, ее лицо сжалось в сердитый узел.

— Мадам, вам обязательно нужно сесть!

Сабин проигнорировала ее.

Наконец я заметила макушку выпрямившегося Пола.

— Да брось, ты что, спишь? — поразилась Сабин. — Немедленно включай камеру.

Конечно, она была права. Как ее директор по социальным сетям, я знала, что она все делала верно. История явно имела вирусный потенциал. Ведь это моя работа — находить вирусный потенциал во всем, что делала Сабин. Я просунула телефон между сиденьями. Пять миллионов подписчиков на YouTube пришли к нам не только из-за ее рецептов выпечки — им нужен бэкстейдж. А что может быть лучше, чем Сабин Роуз, сногшибательная черноглазая хулиганка и кондитер-вундеркинд, которая прощается с жизнью в полной уверенности, что вот-вот погибнет в огне авиакатастрофы?

За исключением того, что она ни капельки не выглядела напуганной.

— Вам нужно немедленно вернуться на свое место. — Стюардесса все-таки добралась до нее, слегка запыхавшись. — Это очень опасно.

Сабин повернулась к ней. Тюрбан делал ее на целый фут выше любой другой женщины.

— То, что я делаю, так уж опасно?

САХАРНЫЙ ВОР

Стюардесса кивнула.

— Верно, а теперь, пожалуйста...

— Опасно то, что делают эти два чертовых идиота в кабине пилотов!

Я стиснула зубы. Ругаться плохо для кадра.

Не то чтобы я буду это использовать. Материал попадет только в файл «Не для всех». Нужно же знать границы.

Несмотря ни на что.

Моя задача состояла в том, чтобы превращать ее гиперэмоциональность в контент. Выбор у меня большой. Сабин была склонна к эмоциональным взрывам и нервным срывам. Она слишком остро реагировала, не могла выполнять сразу несколько задач и не терпела несправедливости. Я показывала ее чувства, и, как оказалось, возможно, слишком хорошо справлялась с этим.

Я старалась не возвращаться к мыслям, но они преследовали меня. *Сделка. Точнее, предстоящая сделка.* Мысли о ней часто были нелогичны. Например, прямо сейчас я задавалась вопросом, поспособствует ли ей крушение самолета?

— Проходи, рядом со мной есть свободное место. — Сабин повернулась к Полу. — Не бери с собой телефон, я сама все сделаю. Убери камеру!

Как я уже говорила, Сабин все делает правильно. Поэтому-то мы и находились здесь, в этом самолете. Она не была дома почти десять лет, но мы решили, что она должна посетить большой семейный праздник и сфотографироваться с отцом, местной легендой выпечки. Ей нужно выглядеть искренней, чувствительной, верным отпрыском кулинарного гения.

А мы?

Ну, куда Сабин, туда и мы с Полом.

Я увидела, как он схватил камеру и попытался встать со своего места.

НЭНСИ МАУРО

В маленьком самолете было тесно, и он ударился головой о багажные полки, отвлекая внимание людей от турбулентности. Сабин уже возвращалась в переднюю часть самолета, хватаясь на ходу за плечи пассажиров.

Ситуация стала напряженной с тех самых пор, как мы достигли критической массы подписчиков. Мы находились на пороге того, чтобы воспользоваться этой интернет-славой и превратить ее в шоу для стримингового сервиса. С той минуты, как я вошла в новомодное лобби Netflix в Торонто, напоминающее Таймс-сквер с огромными экранами, транслирующими бесконечный контент, я обдумывала каждое движение, как если бы оно было винтиком в сложном механизме, решающим, дать ли зеленый свет нашему шоу. Предложат ли они контракт?

Сложный вопрос. Сабин неидеальна, но они дали нам понять, что и как нужно делать. Как нарастить ей броню, чтобы, когда она будет загружена в большой алгоритм Netflix, их инвестиции окупились. Им нравилась Сабин. Нравилась ее статистика. Но шоу было моей идеей. Я написала его, раскрутила, потела над ним. Да, оно зависело от ее статуса знаменитости, но ведь я написала сценарий.

Однако меня очень беспокоило то, что я не нравилась людям из Netflix.

Это было видно по тому, как они обращались со мной — как с приложением. На бизнес-встрече принесли Сабин газированную воду и дали мне то же самое, предполагая, видимо, что я хочу того же, чего и она. Это и понятно: на любом рабочем месте трудно сохранять индивидуальность, когда тебя рассматривают в первую очередь как вспомогательный персонал.

Это не паранойя, а даже если и она, меня сложно было бы в этом винить. Со мной случалось много плохого, много дурных вещей.

САХАРНЫЙ ВОР

Так что, если не считать мелочей и паранойи, оставалась лишь разумная тревога, имеющая под собой основания. Естественное беспокойство по поводу того, что команда разработчиков подсознательно будет брать пример с Сабин. Я для нее своего рода средство достижения цели. Неизбежное зло, что неочевидно никому за пределами нашей маленькой компании из трех человек. Я не стремилась быть незаменимой, но за последние три года стала именно такой. Вот кем мы были друг для друга.

И Сабин, возможно, вполне достаточно. Этот факт заставлял меня паниковать куда больше, чем какая-то турбулентность.

— Сэр, вы не можете покинуть свое место! — Стюардесса, проиграв одну битву, теперь попыталась встать перед Полом.

На мгновение мне показалось, что он собирался сесть обратно, но вместо этого Пол одернул футболку с надписью Dim Sum and Then Some и изображением танцующей пельмешки и протиснулся мимо женщины.

— Она заплатила за мой билет, — бросил он, потому что знал, с какой стороны дул ветер.

Мы оба знали.

В САМОЛЕТЕ — ДЕНЬ САБИН ПРИГНУЛАСЬ ВО ВРЕМЯ СИЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ. ПАКЕТ ПЕЧЕНЬЯ НА ПОДНОСЕ ПЕРЕД НЕЙ ОТКРЫТ.

САБИН

Добро пожаловать обратно в Sweet Rush, мы сейчас в довольно опасном полете над Верхним озером! Молюсь о том, чтобы после того, как я посвятила свою жизнь отличной выпечке, эти ужасные самолетные печенья не были последним, что я когда-либо ела!

Нэнси Мауро

КРУПНЫЙ ПЛАН: САБИН ХВАТАЕТСЯ
ЗА ПОДЛОКОТНИК, КОГДА САМОЛЕТ
ВСТРЯХИВАЕТ.

СНОВА САБИН

Мы летим из Торонто в Тандер-Бей, Онтарио — это далеко на север, рядом с нашими американскими друзьями — чтобы отпраздновать сороковую годовщину пекарни моей семьи! Заходите к нам в Sweet Rush на выходных. Мы покажем вам лучшую в мире выпечку от моего отца, в том числе и легендарную «Персидскую».

САМОЛЕТ КРЕНИТСЯ ПОД КРУТЫМ УГЛОМ —
ЕЕ НАПИТОК ПРОЛИВАЕТСЯ.

СНОВА САБИН

Это если мы выживем! (НЕРВНЫЙ СМЕХ) И если вы сейчас подумали: «Персидская»? Что это вообще такое? Тогда оставайтесь с нами. Мы посвятим вас в тайны сверхсекретного рецепта моего отца...

ЕЩЕ ОДНА ВОЛНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ, КАМЕРА
ПАДАЕТ. КРИКИ ПАССАЖИРОВ. КАМЕРА
ФОКУСИРУЕТСЯ НА СИДЕНЬЯХ
И НА ТОМ, КАК ЛЮДИ ПЫТАЮТСЯ УСПОКОИТЬСЯ,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К САБИН.

СНОВА САБИН

...И узнаете, как эта булочка со странным названием прославила пекарню моей семьи. Так что закатайте рукава и наслаждайтесь!

Глава вторая

САБИН

Еще на отметке в три миллиона подписчиков мой агент Коллетт предупредила, что нет конца количеству людей, желающих унижить тебя в Интернете, и что всякий раз, когда я отворачиваю камеру от выпечки и направляю ее на себя, мне нужно помнить об этом.

Эти слова, сказанные одним из самых успешных людей в бизнесе, я постаралась принять близко к сердцу. В прошлом месяце я встала боком перед зеркалом и, не надев ничего, кроме пары носочков, сделала несколько хороших снимков себя вполоборота. Затем обрезала их до изгиба бедра и темно-зеленого венчика, выбитого на нем чернилами. И вуаля — сорок семь тысяч реакций в Instagram. Обрезка — это то, что отделяет искусство от порнографии.

Эти фото татуировок оказались одними из моих самых успешных постов. Пряничный человечек, вылезаящий из декольте, набрал небывало много откликов. А черные дрозды, вылетающие из отверстия в корке пирога на пояснице, отправили мое аналитическое приложение в штопор* (особенно после того, как кто-то заметил, что бельевая веревка, на

* Отправить в штопор — выражение, означающее падение, попадание в безвыходную ситуацию, крах. В данном случае — приложение сломалось (прим. ред.).

НЭНСИ МАУРО

которой сидит горстка птиц, на самом деле была ниткой моих стрингов).

Но Коллетт на это только скорчила гримасу, как будто я совершенно неправильно ее поняла. Она сказала отказаться от тактики кликбейта. Ее цель — сделать меня мягче. Чтобы я была близкой, настоящей. Более нежной и приземленной. Она хотела, чтобы я ограничила себя в том, что публикую в Instagram (слишком просто, слишком тщательно выверено, слишком фальшиво) и сосредоточилась на YouTube-канале. Камера, настоящие эмоции. Это будет более актуально для шоу, которое мы представляем Netflix.

Именно для этого Пол снял несколько хороших кадров, на которых я паникую и хватаюсь за подлокотник, выдавая сценарий Ванды. Я даже сделала несколько быстрых огненных вдохов, которым научилась на занятиях йогой, но, честно говоря, мне не было страшно. Возможно, это как-то связано с двумя таблетками успокоительного, которые я проглотила в баре аэропорта перед посадкой.

На сиденье рядом со мной Пол уже отсматривал материал на дисплее камеры. Тогда я и заметила, что турбулентность прошла.

— Кажется, сегодня мы не умрем, — заметила я.

Пол кивнул. Он был немногословным оператором, и я это ценила. Я посмотрела в окно. Береговая линия начала проступать сквозь грязно-серые облака внизу, и я испытала странные ощущения, не имеющие ничего общего с изменением высоты полета. Не то чтобы у меня была какая-то драматическая размолвка с семьей много лет назад — никакой серьезной боли, так, банальная чушь с отсутствующим родителем. Надеюсь, все это замнется, когда мы с отцом встретимся лицом к лицу. В конце концов, праздник же.

Теперь задача состояла в том, чтобы наделать несколько эпизодов во время этого визита и предоставить фанатам более глубокое погружение в мою жизнь — тактика, с которой

САХАРНЫЙ ВОР

я неохотно согласилась. Ванда напомнила мне, что в этот раз не будет ни обычной, ни скрытой рекламы. Я зарабатывала деньги тем, что пекла из муки Robin Hood и тающих конфеток Wilton на YouTube-канале. Люди чувствовали нативную рекламу и не стеснялись указывать на это. Проблема была в том, что чем успешнее я становилась, чем больше у меня появлялось спонсоров и рекламных интеграций, которые я должна была делать, тем больше зрителей замечали это. Всего один невнятный комментарий спровоцировал ролик, на написание сценария, съемку и монтаж которого у нас ушла целая неделя.

Вот почему сделка с Netflix должна состояться. Это одна из тех вещей, на которые просят особо не рассчитывать, но после почти года, в течение которых Коллетт и ее агентство гонялись за продюсерами от моего имени, странно было бы притворяться, что я не думала об этом. Иметь собственное шоу было бы большим скачком на пути к телевидению, а не об этом ли мечтает каждый ютубер.

На прошлой неделе у нас появился шанс. Коллетт, Ванда и я провели три дня, представляя наше конкурсное шоу «Что в твоей кладовой?» руководителям отдела разработки шоу без сценария в Netflix (звучит впечатляюще, но все это заключалось лишь во встречах в разных залах заседаний с тремя тридцатилетними работниками по имени Бри, Бритт и Бретт). В нашем шоу мы с Вандой устраиваем сюрпризы пекарям-любителям. Но после трех дней рукопожатий и энергичных улыбок стало казаться, что именно сотрудники Netflix бросили нам финальный вызов.

Наша последняя встреча с командой разработчиков произошла за столиком в L'Elan в Йорквилле. Принесли коктейли, и мы каким-то образом достигли той стадии знакомства, когда

НЭНСИ МАУРО

Бри, Бритт и Бретт — трехголовый Цербер, как называла их Коллетт, — начали рассказывать о своем происхождении. В основном это были скучные истории о детстве в пригороде Торонто. Я заметила, как Ванда перекинула одну из своих кос через плечо и огладила ее. В двадцать восемь лет она все еще жила с родителями и выглядела соответственно. По привычке я быстро осмотрела ее руки, ногти, состояние кутикулы (сухая, она любит ее грызть). Каждую неделю или около того мы ходили с ней на маникюр, я платила. У нее сильные руки пекаря. Вот почему я наняла ее в качестве своей помощницы.

Ванда уставилась на Цербера большими немигающими глазами. Могла поклясться, что она отчаянно хотела принять участие в разговоре, но никто не давал ей и слова вставить. Да и я не была готова к тому, что слетело тогда с ее губ.

— А Сабин из Тандер-Бей, — заявила Ванда. — Из настоящей пекарской династии.

Бритт посмотрела на конец стола, как будто удивилась, обнаружив ее там.

— А я-то думала, что она родилась в раковине, из морской пены.

Ванда поправила очки на носу. Она обычно делала это не пальцем, а морща лицо и кривя верхнюю губу, пока волшебным и гротескным образом очки в прозрачной оправе не вставали на место прямо под ее челкой.

— Ее отец готовит булочку под названием «Персидская» по секретному рецепту. Он своего рода знаменитость.

Я сделала большой глоток второго кроваво-апельсинового martini, еле удерживаясь от того, чтобы посоветовать Ванде заткнуться. Но внимание продюсеров уже было привлечено. Поваяло гендерно-нейтральным ароматом, когда все три головы одновременно повернулись в сторону Ванды. Она села немного прямее, ободренная. Это был первый раз за все время наших встреч, когда Цербер проявил интерес к тому, что она хотела сказать.

САХАРНЫЙ ВОР

— «Персидская»? — Бритт перекатила ножку бокала с вином между длинными загорелыми пальцами. — Как кот? Или ковер?

— Или как Ближневосточная империя, — добавила Ванда, доставая телефон. — Ее происхождение остается загадкой.

— Как экзотично, — отозвался Бретт, поправляя льняную тунику землистого цвета.

На самом деле «Персидская» и экзотика — вещи прямо противоположные. Это глазированное кондитерское изделие, изобретенное в Северо-Западном Онтарио, а название придумал и скормил журналистам мой дядя.

— Не могу поверить, что вы никогда не слышали о ней. — Ванда стучала по своему экрану. — Люди выстраиваются в очередь за ними каждый день. — У меня тут есть статья из *New York Times*...

С дальнего конца стола Коллетт пристально смотрела на меня, как бы говоря: «Утихомирь ее». Она злилась на Ванду, которая в тот момент вводила нас все дальше от цели ланча — заставить этих людей вложиться в наше шоу. Кроме того, инстинкты старой школы Коллетт подсказывали ей, что мне лучше не ассоциироваться с розовой булочкой, обжаренной во фритюре, из какого-нибудь захолустного городка, независимо от того, насколько они популярны в *Instagram*.

Но продюсеры уже склонились над телефоном Ванды, чтобы получше рассмотреть булочку.

— Что это, собственно, такое? Пончик?

— Что-то вроде венской выпечки, — взволнованно объясняла Ванда, пролистывая фотографии людей, запихивающих булочки в рот. — Или пончика из слоеного теста без дырочки. Даже Сабин не знает секретного рецепта.

— Да просто глупая местная традиция, — отмахнулась я, наконец поставив пустой стакан прямо на салфетку. — Так, для туристов.

Она бросила на меня укоряющий взгляд.

НЭНСИ МАУРО

— Скажи это «Залу кулинарной славы».

Особенность Ванды в том, что, хотя она и прирожденная рукодельница (я нашла ее в маленькой грязной пекарне на Дандас-Уэст, где она готовила потрясающую выпечку), у нее была уникальная способность становиться тем, кто вам нужен — чирлидером, экспертом по связям с общественностью — еще до того, как вы поймете, что он вам нужен. Короче говоря, между нами существовала некая нездоровая связь, о которой я не любила слишком глубоко задумываться.

— «Фрэнсис Роуз отмечает сорокалетний юбилей в кондитерском деле» — как это мило! — прощепетала Бри, отрываясь от телефона. — Это твой отец?

Я кивнула. Знала о годовщине, но совсем же я отдалилась от семьи. Жизнь унесла меня за тысячу миль от них, но *zia** Стелла по-прежнему звонила раз в месяц, чтобы прокомментировать мои видео, вес и рецепты.

— Похоже, будет вечеринка. — Бретт выхватил телефон из рук Ванды. — Надеюсь, ты поедешь?

— Ни за что. — Я обхватила пустой бокал и подала знак официанту.

Коллетт бросила на меня еще один испепеляющий взгляд. Полагаю, это было связано с третьим мартини, но я ведь отлично знала, *что* в той дорожной кофейной кружке, которую она повсюду таскала с собой.

— О, но тебе нужно поехать. — Бретт вернул телефон Ванде. — Мы только что говорили об этом, правда? — Он оглядел своих коллег.

— У тебя такая замечательная история, Сабин, — сказала Бри. — Но кое-что...

— Упускается, — подсказала Бритт. Она явно была леди-боссом.

Я откинулась на спинку стула, сложила пальцы вместе и почувствовала глубокое раздражение, несмотря на медленно

* Тетя (*итал.*).